

И СНОВА В БОЙ!

ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА РОДИНУ

В ОТ о чем надо думать, товарищи,—
Что мы стоим без
старых солдат?
Им, безусым и юным вчера
еще,
нынче зимы виски серебрят.
К их плечу прислонитесь,
пока еще
рядом с вами в походной
пыли,
все идут они, как
замыкающие
тех колонн, что под землю
ушли.

Живут среди нас старые солдаты. В будни они незаметны, старшие товарищи по работе, соседи по подъезду, просто прохожие. А в торжественную дату мы вдруг задохнемся от удивления, увидев на груди нашего старого знакомого боевые награды. Но редко, очень редко надевают фронтовики ордена, опаленные огнем былых сражений...

Медаль «За оборону Ленинграда» — особая медаль. Чтобы получить ее, требовалось гораздо больше, чем фронтовое мужество. Иван Александрович Усов вспоминает:

— Трудно было в блокаду. 150 граммов хлеба давали нам на сутки. Многие мои товарищи пали не от фашистских пуль, а от голода. Нас шатало от голода, спали прямо в снегу — ни обсушиться, ни поспать как следует, шинелька на тебе — все твое одеяло — колом стоит, мокрые, замерзшие, голодные, но позиции мы держали. Война, — что ты сделаешь?! А Родину надо защищать!

Особенно памятен Ивану Александровичу бой под Пулковым, на восьмой ГЭС, у Нарвских Ворот, на Зольной сопке, на Синявинских болотах, — словом везде, куда посылал сержанта Усова воинский приказ. Сколько раз приходилось зарываться в землю, вживаться в нее, спасаясь от огня вражеских батарей. Сколько раз случалось идти в атаку навстречу кинжальному огню немецких дотов. Сколько товарищей навсегда осталось под теми сопками и в тех леденящих болотах!... Но враг не прошел в город Ленина.

...Иные сопки вокруг Ивана Александровича, наши, паланские. Снег под березами уже источен каплей. Ветер пахнет разогретой корой, первыми проталинами и горьковатым дымом лесорубных костров. Шумно в лесу от рокота тракторов и потрескивания бензопил. Глухо, словно снаряды, падают на землю деревья. Кажется, что ты попал в самую гущу боя.

И снова, как много лет назад, на передовой — Иван Александрович Усов, мой родной человек дядя Ваня, с которым свела меня в лесу рабочая судьба. Я кряжевал деревья, сваленные дядей Ваней, учился давать кубатуру, жил с ним бок о бок в одной теплушке, долгими зимними вечерами слушал его рассказы о войне.

За двадцать лет работы в лесной промышленности десятки тысяч кубометров древесины заготовлено руками дяди

Вани в лесах Карелии и Сибири. Из этой, как говорят лесорубы, кубатуры ставили дома и крепеж в шахтах, делали опалубку для бетонных плотин электростанций и школьные учебники.

Тысяча кубометров на валке в месяц — обычное дело для дяди Вани и в молодости, и сейчас, когда обморозила виски седина.

Тысяча кубометров в месяц, 12 тысяч в год, около 200 тысяч за двадцать лет работы в лесу. Если вдуматься, этой кубатуры хватило бы, чтобы насытить на всю блокадную зиму кочегарки и печки осажденно-го Ленинграда, спасти беззащитных женщин, стариков, детей...

До прихода Ивана Александровича в Паланский лесопункт на лесной делянке процветала кустарщина: каждый сам себе валил и кряжевал, — кто зарабатывал, а кто почти даром над «Дружкой» пыхтел. Иван Александрович вместе с трактористами Иваном Бессоновым и Александром Беляковым убедили и начальство, и товарищей в пользу комплексной работы. Усов взял на себя самое тяжелое дело, требующее крепкой руки и верного глаза, — валку леса, обеспечивая кряжевкой менее опытных лесорубов.

И теперь у всех спорится дело. Если, работая поодиночке, лесорубы едва-едва выдавали на участок по 300 «кубиков» в месяц, то сейчас меньше 600 не выходит. А это не только твердый заработок, не только премиальные, это спокойная рабочая атмосфера на делянке, чувство семьи единой.

Любят Ивана Александровича лесорубы не только за боевое прошлое, а вот за это — за постоянное беспокойство, за заботу о других, за душевную щедрость. Да каждый из рабочих, будь то опытные вальщики Анатолий Сычевский и Василий Плехов, или новичок Михаил Розов, будь то трактористы Александр Агошков, Фазих Сарифуллин, Александр Кинжитаев, — каждый испытал на себе отеческую заботу Ивана Александровича. То бензопилу поможет наладить, то секрет какой подскажет, чтобы ловчее спорилась работа, то шуткой настроение поднимет. В лесу, как на войне, хорошая шутка все равно что добавочный комплект патронов.

А по вечерам тянутся парни в его вагончик послушать гармошку. Хорошо играет дядя Ваня, с душой. И мало кто из ребят знает, что всего двумя пальцами правой руки пробегает он по ладам, остальные так и не гнутся после того ранения под Зольной сопкой.

— Все, отыгрался! — думал тогда, осенью 1943 года, Иван Усов, валяясь на госпитальной койке. Правая рука не сгибается в запястьях, ее кисть наглухо пришта армейским хирургом.

Однако дядя Ваня не думал сдаваться. Пересилил увечье, приспособил покалеченную руку к планкам гармоники, и на свадьбах дочери и старшего

сына отыграл не хуже, чем играл до войны.

...Непривычно видеть дядю Ваню в полосатой больничной пижаме.

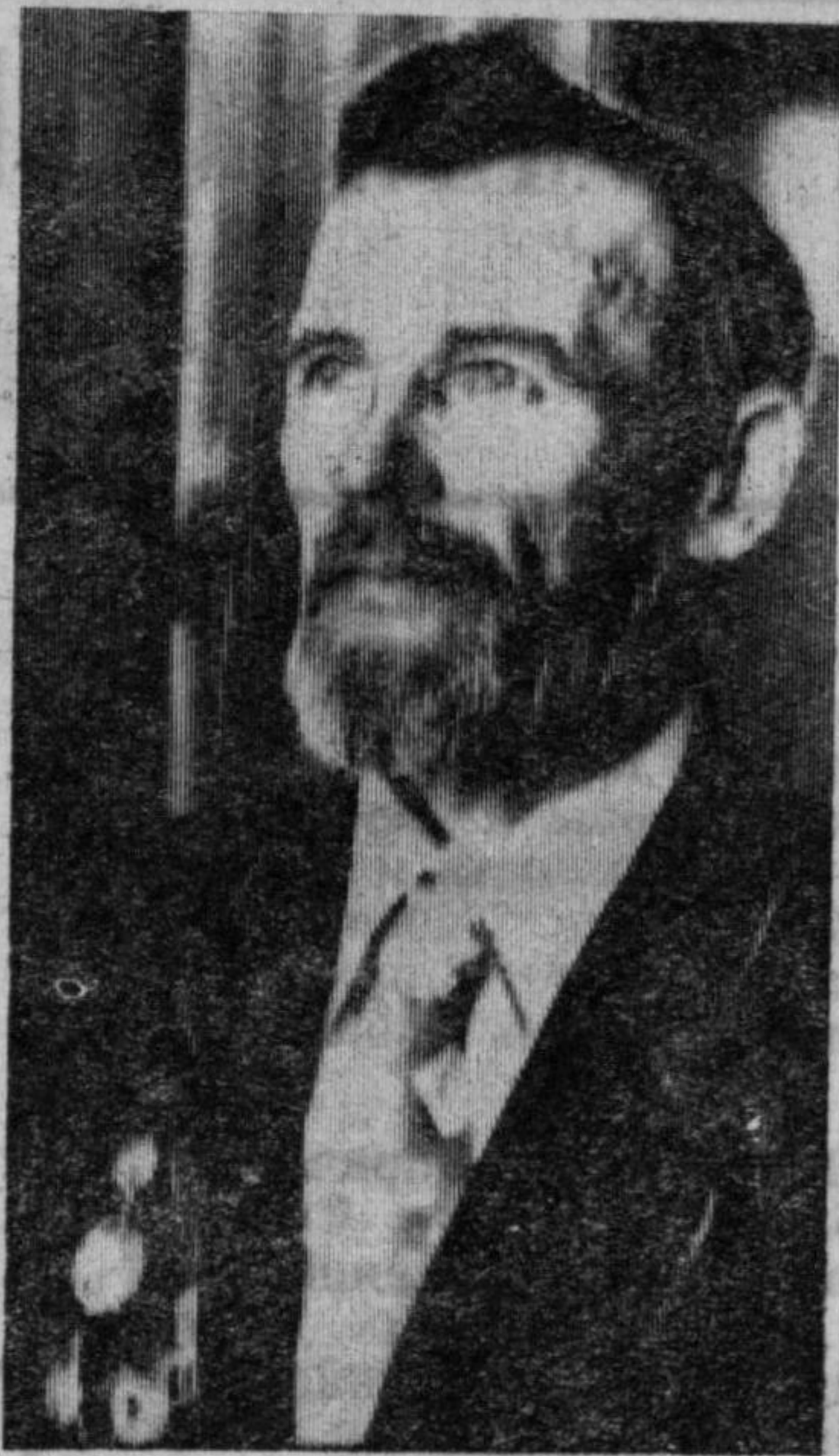
— Дядя Ваня, как же ты?

— Да понимаешь, осечка вышла, недоглядел, комлем ногу придавило. Спасибо, сын подбежал, оттянул комель, я ногу-то и вытянул. Потом два месяца работал хоть бы что, а вот в апреле — опять прихватило.

А сам держится молодцом, в глазах веселые огоньки:

— Ничего, на День Победы вприсядку пойду...

Из госпиталя — в бой, из больницы — на лесную делянку. Обычно люди его возраста ищут работу поспокойнее, потеплее. А тут ветер, мороз, дождь, снег... Иногда в нем барахтаешься по пояс, хоть попластунски выползай. И нельзя выпустить из рук работающую пилу. И ест глаза дым ближ-

Фронтвик Иван Александрович Усов.

него костра. И надо так положить на землю дерево, чтобы его удобно было брать трелевщикам, а вовсе не в ту сторону, куда свешиваются сучья... А за смену дядя Ваня успевает иногда свалить до ста деревьев.

Но заботы мирного труда не в силах заслонить в солдатском сердце памяти военных лет.

...Не смог уйти тот бомбардировщик от прожектора Ивана Усова. Прожекторист послал свой зоркий луч с крыши Мариинского театра навстречу вражескому налетчику.

— В два часа ночи завывала сирена, — вспоминает Иван Александрович. — Дневальный поднял нас по тревоге. Мигом по лестнице на крышу. Гул висит над Ленинградом, прожекторы с других далеких постов десятками ножниц режут небо. Врубил свет. Чуть прошелся лучом, вижу — вот он, ночной разбойник, тяжело ползет по небу, затаив в своем брюхе смерть.

— Правда, вильнул он от моего луча, но я крепко в него вцепился, не отстал. И мысленно подбадриваю своих зенитчи-

ков: ну, ребята, скорее! Зенитки лупят по нему, а он все ползет и ползет. А луч мой вот-вот и в дома упрется, и тогда придется его погасить, лезя же Ленинград освещать. И так обидно, что эта сволочка идет невредимой, что слезы кипят...

И смотрю, ястребок наш сверху на него соколом свалился. И задымил, закоптил вражина. Дал ему наш ястребок прикурить. Горит фашист и рушится с ленинградского неба, а я провожаю его лучом и смеюсь от радости...

В память об этом бое с фашистским стервятником на груди Ивана Александровича сверкает орден Боевого Красного Знамени.

Небогато наград на выходном костюме дяди Вани, но за каждой из них — фронтовые версты, смертные схватки с врагом, раны, которые дают себя знать в непогоду...

Когда-нибудь новые поколения советских людей будут заговаривать нам, что мы знали их в лицо, солдат, свернувших шею фашизму, что мы стояли с ними за одним станком, на одном мостике комбайна, за одним штурвалом сейнера, на одной лесной делянке, что мы ломали на двоих одну горбушку хлеба, курили из одной пачки сигарет...

И снова времени в обрез на перекур и расставанье. Как в зону боя, входит в лес мой друг — товарищ дядя Ваня.

И тех, кого земля взяла, опять скликают на поверку. И за спиной бензопила, как автомат прикладом

кверху. Пусть год не тот, и мир не тот, но в каждом нерве, как в окопе,

глухих Синявинских болот незабываемые топи. И ветер вновь заходит в тыл, чтоб отобрать назад высоты. Еще огонь! Еще удар! И штабеля растут, как дзоты. Ты вверх взгляни. Ты вверх взгляни!

На нашу жизнь и на березы опять пикируют они вороньей стаей, бомбовозы! Прожекторист, не трать речей!

Не подкачай, корректировщик! И пусть в карающем луче сгорит чужой бомбардировщик!

В мешке за плечом провиант, осколком мечен позвоночник,

ты в наступлении — сержант, рабочей гвардии сверхсрочник!

И снова в лес! И снова в путь!

В порыве юности бесстрашной! Ведь с каждым деревом на груди

сойтись придется в рукопашной!

Г. КИСЕЛЕВ.